

Секция «Политико-психологические особенности политических процессов в современной России и в мире»

Трансформация научных представлений о негативной идентичности

Научный руководитель – Селезнева Антонина Владимировна

Андреянов Никита Андреевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра социологии и психологии политики, Москва, Россия

E-mail: n.andreyanov.if@gmail.com

«Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы»

С. Хантингтон

Термин «идентичность» был введен в научный дискурс немецко-американским психологом Э. Эриксоном. Опираясь, в первую очередь, на психоаналитическую традицию З. Фрейда, Эриксон не только постарался определить само понятие, но и сконцентрировал внимание на разделении идентичности личности («Я») и коллективной, групповой идентичности («Мы»). Подобное разделение было следствием его собственной теории стадий психосоциального развития, которая позволила разграничить факторы формирования идентичности в зависимости от возраста индивида [1]. В случае же с коллективной идентичностью оказалось, что несмотря на существование трансформаций, ее зарождение в большинстве случаев происходит именно как негативной, и не имеет четкой стадийальной системы, особенно в наиболее масштабных группах. Э. Эриксон назвал подобные группы «псевдовидами» и заключил, что «человек как биологический вид выжил, будучи подразделен на группы» [1, С. 50], формирующиеся по принципу «мы-они».

В политической сфере подобное восприятие межгрупповых отношений было разработано немецким философом и социологом К. Шмиттом. В поисках определения понятия «политического», автор пришел к выводу, что все «политическое» является полемическим противопоставлением, или, в случае необходимости предположить позитивную интерпретацию, ссылающимся на «государство» как «само собой разумеющееся». Признавая второе несостоятельным с точки зрения нарушения нейтральности понятия (деполитизированные понятия религии, культуры и пр. становятся таковыми вследствие соединения понятий общества и государства), остается обратиться к поиску «специфической политической категории», которая могла бы определить «различие как простой критерий политического». В качестве решения поставленного вопроса, К. Шмитт предлагает сведение политических действий и мотивов к дифференциации «друга» и «врага». Деление человечества на народы, и в более современном восприятии – нации, есть ни что иное как проявление негативной идентификации: разделить однородное возможно с нахождением различия, а сформировать новое единство – как «нечто специфически иное» [2]. Таким образом, любое политическое существование (следовательно, и любое государственное) сопряжено с необходимостью объявить «врага» – иначе, собственная идентификация обречена на разрушение и постепенный распад с дальнейшим переходом в новые идентичности. Сопоставляя свою концепцию с происходящим политическим процессом, К. Шмитт предрекал трансформацию негативной идентичности «друг-враг» в иную форму, отражающую приложение новых политических средств, и ключевым элементом такой трансформации должен был стать «пацифистский вокабуляр» – элемент криминализации и экзекуции врага, который отныне не представлял противником, а интерпретировался как «нарушитель мира», выступивший против человечества [2].

Новое видение негативной идентичности сформировалось спустя 60 лет - к концу XX – началу XXI века. На замену радикальной формуле «друг-враг» пришла концепция «другого», которая зарождалась еще в середине столетия в творчестве М. Бахтина, утверждавшего, что субъект не способен определить себя без знаний о другом субъекте или мире в целом [3], но в политическом смысле оформилась в идеях норвежского исследователя И. Ноймана. Анализ исторического формирования европейской идентичности позволил сделать вывод о том, что образ «Другого» на протяжении многих столетий выступает основой для укрепления и подтверждения европейской идентичности. В качестве «Другого» Европы выступает «Восток» – комбинация восприятия России и Турции в разные периоды институционализации этих государств [4]. «Отсутствие восточности» – именно тот главный критерий, который ограничивает Европу; определив что есть варварский, примитивный «Восток», европейская идентичность «превращает различие в инаковость, чтобы обеспечить устойчивость себе» [4, С. 293].

Концепция «Другого», во многом неосознанно, нашла продолжение в возрождение цивилизационного подхода. Знаковой работой стала книга американского политолога и социолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Определяя понятие «цивилизации», Хантингтон неизбежно вводит в качестве ключевого критерия наивысший уровень культурной идентификации, который позволяет провести демаркационную линию «мы-они» [5]. Самым простым, но тем не менее наиболее полным определением становится следующее: «Цивилизации – это самые большие “мы”, внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных “них”» [5, С. 51]. Таким образом, цивилизационная идентичность не только основывается на негативной модели, но и представляет собой глубокое переосмысление «врага» как «другого», что, с одной стороны, является смягчением прямой противоположности, но при этом и констатацией невозможности устранения противоречия «мы-они» в современном политическом восприятии.

Подводя итог, необходимо отметить, что процесс трансформации негативной идентичности представляет собой отражение исторической тенденции к переосмыслению противопоставления крупных социально-политических групп. Радикальное восприятие К. Шмитта постепенно уступило место менее острому противоречию, и, вероятно, ключевую роль в этом сыграли основные политические процессы середины XX века – Вторая мировая война, установление двуполярного мира и идеологического противостояния сверхдержав. Э. Эрикссон, рассуждая об идее создания общечеловеческой идентичности, утверждает, что причиной таких попыток стало осознание, что столкновение «псевдовидов» – как было показано выше, конструкторов негативной идентичности и образа врага, – открыло печальную перспективу уничтожения человечества в стремлении противостоять «врагу». Цивилизационный подход утвердил противоречие «мы-они» как естественное, тем самым запустив с одной стороны процесс противостояния глобализации и диффузии идентичностей, принимающий форму активной цивилизационной риторики для ряда крупных стран, и с другой – отказ от идеи «врага» как полноценной угрозы собственному «мы», что ранее приводило к прямым конфронтациям государств. Негативная идентичность – непостоянная модель, и ближайшие десятилетия, вероятно, определяют ее преобразование в рамках нового цивилизационного восприятия мира.

Источники и литература

- 1) Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. — 2-е изд. — М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006
- 2) Шмитт К. Понятие политического: пер. с немецк. / под редакцией А. Ф. Филипова — СПб. : Наука, 2016

- 3) Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества : 2-е изд. — М. : Искусство, 1986
- 4) Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. - М.: Новое издательство, 2004
- 5) Хантингтон С. Столкновение цивилизаций : пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М. : ООО «Издательство АСТ», 2003